

АКСИОСИСТЕМНОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВИДЕНИЯ МИРА И НАУЧНЫЙ ТЕКСТ (проблема неагентивности)

Н. В. Бардина (Одесса)

Когда около тридцати лет назад в языкознании и философии развернулись бурные дискуссии, связанные с неогумбольдтианством, гипотезой лингвистической относительности, был предложен компромиссный вариант, который, казалось, примирял позиции условно говоря идеалистов и материалистов: да, действительно, языковые формы накладывают отпечаток на то, каким человек видит мир, но национальные лингвальные круги, о которых писал В. Гумбольдт, преодолимы благодаря существованию языка науки. Наука позволяет всем нам смотреть на окружающую реальность одинаково, так как использует максимально унифицированные формы выражения [Брутян].

Не останавливаясь в данном случае на том факте, что сама европейская наука, ставшая образцом в развитии мировой цивилизации, сложилась под непосредственным влиянием категорий древнегреческого языка, то есть изначально представляла собой языковую трансформацию действительности [см.: Бенвенист, 111], признаем, что, действительно, научная интернациональная терминология во многих случаях снимает этнокультурный фактор в проблеме понимания. Этого однако нельзя сказать о синтаксисе как инструменте систематизации расчлененной при помощи слов реальности. Синтаксическая акцентуация тех или иных отношений, внутренняя синтаксическая форма в меньшей степени замечается говорящим, так как относится к более автоматизированным стереотипам языкового конструирования. Но именно по этой причине синтаксические конструкции непосредственнее отражают специфику этнокультурного восприятия, координируясь с соответствующей лексической когнитивной конденсацией [см.: Бардина].

Предметом изучения в данной статье стала агентивность-неагентивность научного текста. В широком смысле *агент* (*агенса*) — роль участника ситуации, описываемой в предложении, связанная с активным выполнением действия [Чейф, 119]. В более узком понимании, агентивом является только одушевленное действующее лицо [Кибрик, 17]. Таким образом, агентивности оказывается противопоставленной пациенсность — две возможные роли в ситуациях, где действует человек. Вместе с тем, если описывать синтаксические акцентуации моделируемой действительности в целом, то окажется, что агентивность противопоставлена более широкому полю невыделенности “источника энергии” действия вообще. По мнению А. Вежбицкой, агентивность — это не только пассивное представление действующего лица, но и “недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица,

стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий” [Вежбицка, 34]. Неагентивность, таким образом, способна проявляться с различной степенью выраженности и на различных уровнях дискурса — внутритекстовом (семантическом) и прагматическом.

Образ мира, сконструированный в языковом агентивно-неагентивном пространстве, может быть представлен, по нашему мнению, с трех различных когнитивных позиций: а) собственно-агентивной, в которой личность, субъект выступает как активный деятель: *Я сплю, Я думаю, Я предложил, Я должен пойти*, б) претерпевающе-опытной (пациенсно-экспериментальной), в которой ситуация смоделирована как некоторое спонтанное, иррациональное событие, не контролируемое волей субъекта: *Мне не спится, Думается, Было предложено, Необходимо* и в) безразлично-опытной (индифферентно-экспериментальной), где субъект выступает в качестве стороннего наблюдателя, в самой синтаксической конструкции не эксплицирован, и содержание ситуации его лично не затрагивает: *Сон восстанавливает силы, Агент — это активный деятель* и др. Наблюдение может происходить над действиями другого лица: *Он говорит, что...*. В этом случае происходит дистанцирование объективной (неагентивной) позиции автора от агентивности субъекта описываемой ситуации. Подобные объективно-агентивные построения отражают активносте-представление ситуаций, не подвластных воле говорящего (пишущего). Следовательно, их существование не нарушает типичного для неагентивных конструкций ощущения смирения и покорности.

Фатальность объективно-агентивных конструкций усиливается в построениях, которые можно было бы определить как конвенционально-агентивные и которые традиционно относятся к неопределенно-личным предложениям. Вместе с тем они, по нашему мнению, принципиально отличаются от конструкций с неидентифицированным субъектом. Достаточно сравнить два предикативных центра: “стучат” и “принимают во внимание”. Если в первом случае, действительно, предполагается неидентифицированность субъекта к моменту речи (“стучат” = “кто-то стучит”), то во втором случае субъект вполне определяем: это авторитетный научный мир, к которому обращается читатель, — мир, который служит для него заменителем объективной истины. Таким образом, представляется возможным говорить о некотором циклическом поле неагентивности-агентивности, в котором данный признак реализуется градуированно с разной степенью языковой расчлененности: *я думаю, есть мысль, Х думает, думают, принято думать, нужно думать, *было подумано, думается, думаем*, где последняя форма может указывать на агентивность пишущего или на совместное действие, при этом читатель оказывается вовлеченным в неконтролируемую им деятельность (энергетическое начало исходит не от него), а значение конструкции переходит из агентивного в пациенсное.

Обращаясь к использованию данных построений в научных текстах, мы

руководствовались некоторыми соображениями. С одной стороны, образ науки, сложившийся к середине нашего столетия, отличается а) платоновским представлением о существовании объективной истинности, б) картезианским рационализмом, в) из чего вытекает стремление к стилизованной элиминации познающего субъекта из общей картины познания. По общему мнению, “как способ освоения действительности наука отличается стремлением к максимально обобщенному, объективному, обезличенному знанию” [Бондалетов и др., 196]. Следовательно, уже априорно можно было ожидать высокочастотного использования неагентивных конструкций в научных текстах.

Однако с другой стороны, учитывая тот факт, что разные языки предлагают говорящему разное количество готовых синтаксических стереотипов для того или иного построения образа мира [см.: Мразек], можно предположить, что в научных текстах, написанных на разных языках, с большей или меньшей степенью будет отражаться общая надэтническая культурная доминанта в интерпретации научного знания. При этом обращает на себя внимание некоторая противоречивость мнений относительно этнолингвоментальной реализации интересующей нас категории. Так, по мнению многих исследователей, склонность к фатализму — отличительная черта именно русского национального мировидения. Как заметил Борис Парамонов, “у нас не делают, а всё как-то делается”. Концепты “судьба”, “душа”, а не “разум” считаются ключевыми концептами русской ментальности [см., например: Урысон]. В своей знаменитой книге, посвященной русской ментальности, А. Вежбицка утверждает, что русский язык отличается не только от западноевропейских, но и прочих славянских языков подчеркнутой тенденцией к пациенсности. Такое мнение тем более интересно, что принадлежит, в принципе, носителю польской лингвоментальности, в то время как, по мнению полонистов, обилие неагентивных безличных конструкций, в принципе, характерно для всех славянских языков с пролатинской культурной ориентацией, но в особенности — именно для польского языка, который, в свою очередь, оказал решающее воздействие на формирование украинского синтаксиса [см.: Wiczorek]. При этом о “кордоцентричности” украинской ментальности также существует обширная литература. Следовательно, можно предположить, что неагентивность в русском тексте окажется менее выраженной, чем в польском и украинском, или хотя бы в одном из них.

Мы провели небольшое сопоставительное исследование на материале языка восьми научных сочинений (преимущественно — учебников) на русском, украинском, польском, а также словацком (который, как и польский, испытал сильное воздействие латыни) языках: Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина “Основы общей фонетики” С.-Пб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991 [ЛБ и др.]; Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. Общее языкознание. — М.: Просвещение, 1970 [ФБ, БГ]; Ю. О. Карпенко “Фонетика і фонологія сучасної української літературної мови”. — Одеса: Чорномор’я, 1996 [ЮК]; С. В. Семчинський. Загальне мовознавство. — Київ:

Вища школа, 1988 [CC]; Abel Kráľ, Ján Sabol. Fonetika a fonológia. — Bratislava: SPN, 1989 [AK, JS]; Ján Oravec, Eugénia Bajžíková, Juraj Furdík. Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia. — Bratislava: SPN, 1988 [JO и др.]; Ireneusz Bobrowski, Zaproszenie do językoznawstwa. — Kraków, 1998 [IB]; Maria Przetacznik-Gierowska, Od słowa do dyskursu. — Warszawa: Energeia, 1994 [M P-G].

Из текстов материал был получен путем случайной выборки: жеребьевкой определялись номера страниц для сплошного анализа. Всего из каждого издания для сплошного исследования были отобраны фрагменты по 1000 предикативных единиц. Обнаружилось как количественное, так и качественное расхождение в использовании когнитивно-неагентивных предложений.

Так, в учебнике Оравца и др. когнитивно-пациенсные конструкции составили 8,8%, у Краля, Сабола — 9%, у Бондарко — 13%, у Карпенко — 15%, у Бобровского — 16%, у Березина — 17,6%, у Семчинского — 21%, у Геровской — 30%. При этом значительным было расхождение активных агентивных построений: у Бобровского — 46%, у Геровской — 20%, у Оравца и др. — 12,3%, у Карпенко — 12%, у Краля — 11%, у Семчинского — 9,8%, у Бондарко — 8%, у Березина — 5,8%.

Безразлично-опытные, таким образом, распределились так: у Краля — 80%, у Бондарко — 79%, у Оравца и др. — 78,9%, у Карпенко — 78%, у Березина — 76,6%, у Семчинского — 69,2%, у Геровской — 50%, у Бобровского — 40%.

Соотношение агентивных-неагентивных построений в каждом тексте представлено на рис. 1.

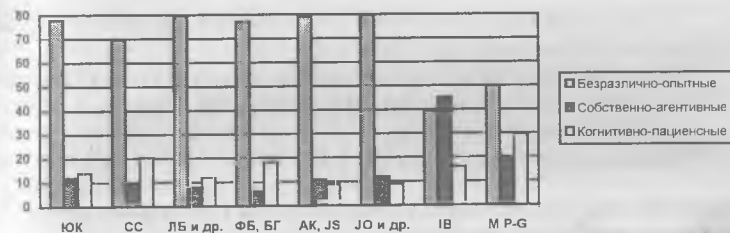

Рис. 1. Распределение типов агентивных-неагентивных конструкций

Распределение типов синтаксических конструкций на гистограмме обнаруживает значительное сходство в построении украинских (ЮК, СС) и русских (ЛБ и др., ФБ, БГ) научных текстов: абсолютное преобладание безразлично-опытных построений, низкая частотность претерпевающе-опытных конструкций. Такое единство стиля можно, как нам представляется, объяснить социально-политическими факторами: три из исследованных учебников (за исключением учебника Ю. Карпенко) вышли в Советском Союзе, где требования к научным изданиям были унифицированы. В учебнике

Ю. Карпенко мы уже встречаемся с типично украинскими, сближающими его с польскими текстами, партиципными построениями с субъектом (эксплицитным или имплицитным) в форме инструментального творительного падежа. Например:

“[...] фактично видів транскрипції є більше — від дуже деталізованої, з великою кількістю діакритичних знаків, транскрипції, яку було створено Міжнародною фонетичною асоціацією в 1886 р. і потім неодноразово уточнювано [...]” [ЮК, 8].

Ср.: “Na podstawie powyższych informacji przyjęto” [В, 61], “...dochodzono do systemowych związków” [М Р-Г, 172].

В учебнике С. Семчинского такие конструкции чрезвычайно редки: “зроблено спроби описати парадигматику речень...” [СС, 241]. Подобные партиципные безличные построения в большинстве случаев практически нельзя перевести на русский язык буквально, с сохранением внутренней синтаксической формы: “[...] транскрипции, которую было создано [...] и потом неоднократно уточняемо [...]”. *сделано попытки описать... Вместо них используются партиципно-пассивные личные или безличные конвенциональные.

Детальный качественный анализ показал существование еще нескольких различных тенденций в “русско-украинской” группе.

В учебниках С. Семчинского, а также Л. Бондарко и др. обращает на себя внимание абсолютное преобладание модально-предписывающих когнитивно-пациенсных конструкций:

“[...] для характеристики гласных необходимо определить ряд гласного, подъем, огубленность [...]” [ЛБ и др., 22].

“Но следует выяснить, справедлива ли такая трактовка” [там же, 43].

“О качестве этого звука нельзя судить по непосредственным слуховым впечатлениям” [там же, 61].

“Нужно иметь в виду” [там же, 89].

Конструкция “слід вважати” только на одной 127 с. используется С. Семчинским трижды. Здесь же находим: “наверяд чи можна вважати...”, “слід зробити...”, “можна додати...”. И далее: “Слід відрізняти...” (с. 179), “слід згадати...” (с. 219) и т. п.

Особенностью семантики безлично-модальных конструкций А. Вежицка считает сочетание как основного смысла долженствования, так и дополнительного компонента “не потому, что я этого хочу” [см.: Вежицка, 58]. Е. М. Галкина-Федорук отмечала, что в этих построениях подчеркивается объективная, не осознанная с точки зрения субъекта необходимость, обусловленная внутренней закономерностью совершающегося действия или явления действительности [см.: Галкина-Федорук, 307].

Класс предикатов долженствования обыкновенно требует датива объекта, но в научном тексте он не вербализуется, а подразумевается: “нужно всем”.

Это еще больше усиливает всеохватную неагентивность конструкций, подчеркивает безысключительную направленность модальности на всех читающих. Такая ориентация текста вполне соответствует его общей — обучающей — предназначенности.

В учебниках Ю. Карпенко и Ф. Березина, Б. Головина подобные конструкции были единичными, назидательность заменялась здесь безразлично-опытной ориентацией, более мягкими партиципно-безличными со значением конвенциональности, объективно-агентивными и обобщенно-агентивными построениями. Последний тип высказываний особенно характерен для “Общего языкознания” Ф. Березина, Б. Головина, что в некоторой мере объединяет его с учебником С. Семчинского.

Рациональный компонент в повествовании Л. Бондарко и др. появляется только в тех разделах, где рассматриваются сложные, до конца не разрешенные вопросы. Однако модальность долженствования и здесь сохраняется:

“[...] мы должны знать, каковы перцептивные корреляты релевантных признаков фонем [...]” (с. 89)

“[...] мы должны исследовать те артикуляторные механизмы [...]” (с. 105)

При изложении теории, разработанной самими авторами (в данном случае — это теория слога), двусоставные конструкции с субъектом *мы* полностью вытесняют односоставные. При этом значение неосознанной, объективной потребности заменяется значением осознаваемой обязанности, происходит совмещение двух когнитивных установок — “знание” и “мнение” [см.: Кобозева, Лауфер, 169]. В результате пациенсность читателя, его неагентивность усиливается, так как на его сознание теперь “давит” не только безличная объективность, но и активная апеллятивность авторов.

Агентивное “мы” в учебнике Ф. Березина, Б. Головина указывает как на авторов, так и на максимально обобщенный субъект: “Вступая в общение с другими, мы сообщаем о каком-то акте сознания, мысли” [ФБ, БГ, 196], призывает к совместной вовлеченности в процесс познания: “Обратим внимание хотя бы на то...” [там же, 257], “возьмем несколько иллюстративных примеров” [там же, 243].

Таким образом, в данных четырех учебниках можно обнаружить влияние социальных факторов (стремление к отстраненной объективности, повышенная безличная назидательность), личностных предпочтений авторов (“совместное” *мы*) и национально-культурных особенностей (повышение частотности безлично-партиципных конструкций, свидетельствующих, по сути, о спонтанной иррациональности бытия).

Словацкие учебники отличаются удивительным подобием когнитивной синтаксической ориентации: при стабильно высоком проценте безразлично-опытных построений фактически отсутствуют назидательно-неагентив-

ные, из безличных используются одинаково частотные в обоих текстах претерпевающе-спонтанные, указывающие на степень свободы действия субъекта, успешность познания типа "možno", "nemožno", "predpoklada sa", "je zaujímavé", "ne je jasné", "vidieť to už toho...", максимально иррациональное "ide" (аналог украинскому "йтись (про щось)", например:

"V slovenčine ide o vysoké vokály" [AK, JS, 277].

Более усиленным оказывается агентивный компонент, при этом наравне с объективно-агентивными конструкциями ("Inú metódu pri identifikovaní foném si zvolil Tmka" [AK, JS, 270]) используется авторское "мы". Агентивные конструкции часто носят оттенок зависимости от внешних условий:

"Môžeme túto oblasť fonetického bádania interpretovať tak" [AK, JS, 94],

"... vtedy hovoríme o variantných príponách" [JO и др., 48].

"Percepcie by sme mohli akustické koreláty týchto foném charakterizovať ako vysokotonálne" [AK, JS, 277].

Обращают на себя внимание особые приемы усиления агентивности не-агентивных или конвенционально-агентивных предикатов за счет введения личностных распространителей:

"S istými rozprávkami sa k nim zaraďujú číslovky" [JO и др., 100],

"Takzvané podielové číslovky, ktoré sa u nás preberali osobitne pod vplyvom latinských gramatik" [там же, 102].

От украинских и русских учебников, таким образом, словацкие отличались более мягкой ориентацией на отстраненное или толерантно-личностное изложение фактов.

Польские научные тексты оказались резко противопоставленными всем остальным (что хорошо видно из гистограммы), хотя сами по себе и не были однородными. Общей чертой для них можно считать уменьшение безразлично-опытных построений за счет возрастания собственно-агентивных и пациенсных конструкций.

Наряду с авторским *мы*, используемым в 3 раза чаще, чем в остальных исследованных текстах (при этом не для коллективного осуждения чего-либо, предписания, а для введения в ход рассуждений), появляется авторское *я*. Например:

"Jak już powieździeliśmy", spotykamy jednak jeszcze inne interpretacje [M P-G, 172].

"Posluzmy się tu przykładami". [75], Na wstępie podam kilka informacji [M P-G, 212].

Особенно четкая противопоставленность активного разумного и объективно-отстраненного начала характеризует учебник И. Бобровского, в котором активные агентивные построения составили 46%, а безразлично-опытные — всего лишь 40%. Когнитивно-пациенсные конструкции, кроме встречающихся во всех исследованных учебниках модальных допущений типа "można stwierdzić" (которые частотнее передавались агентивными *możemy*), содержали большое количество "пролатинских" партиципов: "Dzięk

zastosowanym procedurom falsyfikującym teorię standartową przebudowano..." [JB, 110].

В исследовании М. Пшетачник-Гервской при таком же сниженном проценте конструкций с нулевой агентивностью более значительной оказалась спонтанно-претерпевающая окрашенность повествования. Примечательным представляется совмещение агентивных и спонтанно-партиципных предикативных построений в рамках одного описания действий автора. Например:

"Klasyfikacje materiału przeprowadziłam według takich kryteriów [...] Aby niknąć krzyżowania się różnych kryteriów klasyfikacji wprowadzono dwa odrębne podziały [...]" [M, P-G, 173].

В целом тенденцию к субъективации научного текста, внесению личностного или безлично-иррационального начала представляется возможным рассматривать как особенность именно польской лингвоментальности. Кажется не случайным частичное (без увеличения активной агентивности, с упором на фатальную конвенциональность) проявление этой когнитивной акцентуации в украинско-советском учебнике С. Семчинского: вполне вероятно, что здесь сказалось трансформирование мировидения польских предков автора.

Конечно, само по себе исследование научных текстов не может выявить структуры этнолингвоментальности авторов, однако научно достоверным и ценным можно считать совпадение выявляемых тенденций с уже установленными на ином психолингвистическом и культурологическом материале. Так, например, взаимодействие эгоцентризма и фатализма, проявляющееся в польских текстах, соотносится с общими характеристиками польского национального мировидения (ср. известную поговорку "или пан — или пропад"), толерантная отстраненность в сочетании с имплицитным "кастоцентризмом" отмечалась и ранее при исследовании словацкого национального мировидения [см., например: Бардина], то же можно сказать о склонности русских к безличной дидактичности и коллективизму [см., например: Гумилев], неоднозначности украинской лингвоментальности, сочетающей спонтанную неуправляемость с жесткой обобщенной агентивностью.

Литература

1. Бардина Н. В. Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования // Слов'янський збірник. — Вип. III. — Одеса: Астропринт, 1998. — С. 8-14.
2. Бондалетов В. Д. и др. Стилистика русского языка. — Л.: Просвещение, 1982.
3. Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа. — Ереван, 1968.
4. Вежбицка Анна. Русский язык // Анна Вежбицка. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997. — С. 33-89.
5. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1958.
6. Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. — М.: Экспресс, 1992. — 336 с.

7. Кибрик А. Е. Агенс //Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 17.
8. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования //Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 169-175.
9. Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских языков. — Brno, 1990. — 150.
10. Урысон Е. В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // "Путь". Международный философский журнал. — N 6, 1994. — С. 219-231.
11. Чейф Уоллес Л. Значение и структура языка. — М.: Прогресс, 1975.
12. Wieczorek D. Латино-славянская ориентация украинского синтаксиса // Z polskich studiów slawistycznych. — Seria IX. Językoznawstwo. — Warszawa, 1998. — S. 283-288.